

Василюк Ф.Е.

Риск соприсутствия

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. Риск соприсутствия [Текст] / Ф.Е. Василюк // Школьный психолог. – 2004. – № 22. – С. 27-29.

Риск соприсутствия

**На вопросы
нашего корреспондента
Ольги Решетниковой
отвечает декан
факультета психологического
консультирования
Московского городского психолого-
педагогического
университета
Федор Ефимович ВАСИЛЮК**

? Практическая психология и психотерапия — как бы вы их «разместили» по отношению друг к другу? Каковы их границы, зоны пересечения и различия?

Сначала давайте задумаемся, что мы имеем в виду, когда говорим «практическая психология». Ее обычно противопоставляют теоретической психологии, но, мне кажется, более продуктивно начинать с различия *практической психологии* и *психологической практики*. Практическая психология есть прикладная психология — приложение психологических знаний к той или другой социальной сфере, по имени этой сферы она и получает свое название: медицинская, военная, инженерная психология и т.д.

Практическая психология в образовании (вы, видимо, спрашиваете о ней), стоит именно в этом ряду. Каждая разновидность практической психологии служит целям своей социальной сферы, подчиняется ее правилам и действует по ее заказу. Медицинский психолог как ни крути — человек в белом халате. Да, он смотрит на пациента психологическим взглядом и взглядом человеческим, но все же — сквозь призму медицины.

Иное дело психологическая практика. здесь психолог без посредников встречается с обратившимся за помощью человеком, отзывается на его собственную нужду и запрос, которые рождаются из контекста его личной жизни, а не из задач какой-либо социальной сферы.

К какой из этих двух областей психологической работы относится психотерапия? К обеим. В рамках медицинской психологии как отрасли практической психологии психотерапия есть один из методов лечения и одна из функций клинического психолога (равно как и врача-психотерапевта). Это классическое место прописки психотерапии. Однако давно стало ясно, что «психотерапия слишком хорошая вещь, чтобы доставаться только больным». И психотерапия успешно развивается за пределами медицины как самостоятельная форма психологической практики, имеющая дело не с болезнями, а с личными проблемами.

? Если психотерапия не обязательно относится к компетенции медицины или медицинской психологии, может ли она включаться и в другие отрасли практической психологии, например в практическую психологию образования?

В самом деле, может ли в практической психологии образования, кроме психотерапевта-смежника, существовать и «свой», «внутренний» психотерапевт?

Вот давний эпизод из моей психотерапевтической практики, о котором я люблю вспоминать. Записываясь на консультацию, мама пятиклассника Васи сообщила, что через 10 дней состоится медико-педагогическая комиссия, которая будет решать вопрос о его переводе во вспомогательную школу. Вася учился слабовато почти по всем предметам, но главное, что переполнило чашу педагогического терпения, — патологическая неспособность выучить русское правописание хотя бы на двойку.

Учительница попросила родителей «обратить внимание». Отцу стало стыдно, и он рьяно взялся за дело. Порой в ход шли и подзатыльники. Мать бросалась на защиту. После ссор с мужем она укоряла сына и призывала «постараться». Семейная педагогика вскоре принесла плоды: в диктантах несчастного отрока вовсе перестали встречаться правильно написанные слова. Рассматривая на консультации тетрадки, доставленные мамой в качестве вещественных доказательств, я выказал неподдельное восхищение количеством ошибок и спортивный азарт: «А

можешь ты не 57, а целых 60 ошибок на одной странице сделать?» — «Да я хоть 100 могу!» — включился в игру Вася.

В перерывах между консультациями он должен был под диктовку родителей писать диктанты, стараясь побить рекорд. Папа и мама иногда, не удержавшись, подсказывали, где еще упущена возможность ошибки. Через неделю учительница, сама себе не веря, поставила Васе за очередную письменную работу четверку. Вопрос о переводе во вспомогательную школу был отложен, а потом и вовсе отпал.

Что это было, какой жанр психологической работы? «Практическая психология образования»? Психокоррекция? Психотерапия? Семейная психотерапия? Психологическое консультирование? Кажется, и то, и другое, и третье, всего понемногу.

Значит ли это, что, на ваш взгляд, можно ставить знак равенства между психологическим консультированием и психотерапией?

Между этими понятиями можно ставить разные знаки — в зависимости от задачи, которую мы решаем. Не будем думать, что «психотерапия» и «консультирование» — это названия двух соседних государств на континенте пси-профессий, граница между которыми не меняется веками. Когда пытаются поставить задачу разграничения, то указывают на следующие отличия: консультирование — это нечто более поверхностное, а психотерапия — более глубокое; консультирование имеет дело с менее серьезными проблемами, нежели психотерапия; предметом консультирования являются трудности в осуществлении той или иной деятельности человека (консультирование родителей по вопросам воспитания, консультирование старшеклассников по вопросу выбора профессии и т.п.), а предметом психотерапии — душевные состояния, прежде всего психопатологические; консультирование процесс более короткий, а психотерапия — более долгий; в консультировании меньшее значение, чем в терапии, имеют отношения, которые складываются между участниками взаимодействия; наконец, консультированию надо учиться долго, а психотерапии — очень долго. (Иногда по старинке продолжают считать, что психологическое консультирование — это то, чем занимаются психологи, а психотерапия — то, чем занимаются врачи. Но это явный анахронизм.)

Вы видите, что в этом списке в основном количественные, а не принципиальные качественные различия, так что профессия консультанта выглядит как ступенька на пути к профессии психотерапевта.

Когда же пытаются поставить знак равенства между консультированием и психотерапией, то в первую очередь указывают на сходство самих процессов, а также их теорий и методов, которые применяет специалист. Оглавления учебников по психотерапии и по консультированию часто похожи, как близнецы. У них одни и те же герои — З.Фрейд, А.Адлер, К.Роджерс, В.Франкл, Ф.Перлз, А.Бек и т.д.

Мне думается, сущностное отличие консультирования от психотерапии состоит вот в чем. Консультирование исходит из идеи самоидентичности личности клиента, а терапия — из идеи метаморфозы. В результате консультирования должна измениться деятельность клиента, его отношения, ситуация, учеба, карьера, выбор и пр., чтобы ему, остающемуся самим собой, стало лучше. Психотерапия живет другой установкой — должен измениться сам человек, метаморфозы должны произойти в его личностном ядре.

Посмотрим, что получится, если применить это разграничение. Всякий раз, вступая в беседу со своим клиентом, психолог наперед не может знать, в чем он будет участвовать. Разумеется, он может говорить: я недостаточно опытен, я не работаю с глубокими проблемами, я не занимаюсь душевной патологией. Он может думать: если возникнут большие сложности, я обращусь за помощью к опытному психотерапевту, как того требует большинство этических кодексов. С такими благими, скромными и действительно верными намерениями психолог может входить в консультативный процесс. Но кроме него в процессе участвует и клиент, который кодексов не читал. И вот, посредине самого чинного процесса консультирования, клиент вдруг доходит до такой человеческой глубины, до такой глубины своего страдания, или до самого края пропасти серьезной психопатологии, или до окончательной истощенности смысла своей жизни, что становится понятно: он должен измениться. Он попадает в эпицентр кризиса, выйти из которого можно только изменением самых глубоких оснований своего личностного бытия.

И психолог оказывается *застынутым* психотерапией посреди консультативного процесса. Что ему делать? Нужно ли остановить клиента и сказать: ну что вы, что вы, это уже психотерапия у нас пошла, мы так не договаривались. Давайте вернемся к обсуждению менее опасных тем, либо я вас направлю к опытному психотерапевту. Так ли ему действовать, или ему нужно дерзнуть продолжить соучаствовать в том процессе, который происходит с его клиентом, и если даже не хватает профессиональных знаний, взять на себя риск человеческого соприсутствия в этой разворачивающейся трагедии, метаморфозе, смерти и рождении нового человека?

Это не рекомендация начинающим психологам — без оглядки браться за любую проблему, работать с любыми клиентами. Профессионализм как раз состоит в понимании своих ограничений. Это лишь указание на то, что различия в консультировании и психотерапии — не только академический вопрос, раз и навсегда решенный за нас в толстых учебниках. В одном и том же сеансе консультирование и психотерапия могут драматически сменять друг друга.

Выходит, школьный психолог может использовать в своей работе элементы психотерапии?

Конечно. Да так это на практике и бывает. Всякий школьный психолог владеет тем или иным психотерапевтическим методом или подходом. Но дело даже не в возможностях и правах. Я думаю, что психотерапия — одна из *обязанностей* практического психолога в образовании. Порой бытует недооценка школьного психолога как какого-то начинающего. Но школьный психолог — вовсе не первичная ступенька к более высокому профессиональному статусу психолога-консультанта или психотерапевта. Школьный психолог должен быть универсалом. Его можно уподобить земскому врачу. Даже в начале пути он должен быть таким начинающим, который и банки поставит, и вправит сустав, и примет роды. Словом, психологу, работающему в сфере образования, нужно не только уметь взаимодействовать с психотерапевтом от медицины, но и самому быть психотерапевтом.

Но все-таки для этого нужно получить специальную психотерапевтическую подготовку...

Разумеется. Но давайте посмотрим, где ее можно получить. Сейчас уже очевидно, что базовое психотерапевтическое образование является не медицинским, а психологическим. Например, на факультете психологического консультирования Московского психолого-педагогического университета, где я имею честь работать, студентам преподаются основы психоанализа и психодрамы, гештальт-терапия с детьми, экзистенциальная и когнитивная психотерапия, семейная психотерапия и арт-терапия, проводятся тренинги по групповой и мастер-классы по индивидуальной психотерапии. Это далеко не полный перечень. Скажите, какой медицинский факультет способен предоставить своим студентам такой веер психотерапевтических дисциплин? А ведь мы готовим специалистов для службы практической психологии образования. О востребованности таких специалистов говорит тот факт, что с этого года Департамент образования г. Москвы принял решение о значительном увеличении плана набора на наш факультет: на первом курсе с нового учебного года будут учиться на бюджетной основе 50 студентов по специальности «психология» и еще 25 по специальности «клиническая психология». За годы учебы все они получают солидную базовую подготовку в области психологического консультирования и психотерапии. Кроме того, у нас есть разные программы последипломного уровня, где повышают квалификацию в основном школьные психологи. Похоже, дело идет к тому, что наиболее квалифицированные специалисты в области консультирования и психотерапии будут в основном сосредоточены не в медицине, а в сфере образования.

Кроме наличия многих серьезных проблем у современных школьников, для этого существует еще одна очень веская причина — в школе есть учитель.

Учитель — одна из труднейших и психотравмирующих профессий. Вот статистический факт. В 80-х годах мне пришлось работать психологом в психиатрической больнице. Палаты в отделении неврозов были рассчитаны на 18 человек. Из них обычно 12 были учителями. Две трети! Не думаю, что положение с тех пор изменилось радикально.

Призыв к коллегам, работающим в школе: помогите одному учителю, этим вы поможете сотне учеников. И без психотерапии здесь не обойтись.

Кстати, еще одно важнейшее решение Московского департамента образования — о создании специализированного психолого-медико-социального центра, который будет оказывать комплексную психологическую и реабилитационную помощь учителям. Вот благодатное поле приложения усилий всех «смежников», которым посвящен этот выпуск вашей газеты.